

Посвящается Альме и Эдварду

Было бы неверным утверждать, что никто ничего не заметил. Естественно, найдется немало свидетелей, которые той ночью слышали выстрелы и видели фигуру, выбежавшую из дома и скрывшуюся в направлении поджидающего автомобиля.

Возможно, свидетели тут же вернулись к своим делам или остались следить за продолжением: как подъехала полиция, как выносили тела. Но они молчали. Лазали по кустам, отдыхали на деревьях или парили над землей. Эти существа были частью природы, часто не видимой людьми. Возможно, все они были животными: большими или маленькими, быстрыми или медленными, зоркими или полуслепыми.

Так или иначе, правда о событиях, произошедших в доме, вскоре покрылась мраком и растворилась во все.

Как и многое другое.

Пролог

Ближе к вечеру задул ветер. Сначала слегка зашеле-стел в кронах деревьев, затем усилился. Наконец, привел в движение все вокруг. До наступления темноты оставалось не более получаса.

На парковке возле усадьбы Юханнес слез с велосипеда и прислонил его к фонарному столбу. Собрал свои темные волосы в пучок на затылке. Погода просто ужасная. Ни один нормальный человек не выйдет на улицу в такое ненастье.

Ну, значит, он ненормальный.

Пристегивая велосипед, Юханнес бросил взгляд на домик Натали. В одном из окон мелькали отсветы керосиновой лампы. Он увидел силуэт Натали, тень скользила по стене, медленная и неуловимая. Как она сама. Недавно она согласилась остаться у него на ночь. Но проснувшись утром, он обнаружил, что ее уже нет. Постель была пуста. Конечно, она говорила, что ей рано вставать на следующий день, однако он почувствовал разочарование. Они провели чудесный вечер — и вот так уйти, не сказав ни слова, даже не оставив записки. «Виной всему, вероятно, опять боязнь близости, — думал он, разминаясь. — Она чувствует

себя такой уязвимой, поэтому держит дистанцию. Вполне логичное объяснение, если не углубляться в психологию». Дождь усилился, бегать совсем расхотелось. Он понимал, что одет не по погоде, но, с другой стороны, так оно обычно и бывало. Юханнес был не из тех, кто прислушивается к прогнозам, — возможно, из духа противоречия, ведь его мать, напротив, считала, что изменение температуры на один градус — уже повод что-нибудь надеть или снять, а для каждого случая предназначается отдельный гардероб. Все его детство было ознаменовано постоянными переодеваниями, чтобы ни одна капля дождя, ни одно дуновение ветра не проникло сквозь многочисленные слои. Уже во взрослом возрасте он ощущал внезапный восторг, когда порой промокал или замерзал. Юханнес побежал вниз по тропинке, потом свернул налево. Подальше от дома Натали. С одной стороны тянулся лес, с другой простирались заболоченные земли, те места, которые он полюбил: растянувшаяся на километры пустота, низкая серая растительность, кажущаяся еще более живучей и удивительной под дождем и ветром.

Он вспомнил, как смотрелся иней на торфяном мху прошлой зимой. В этом было что-то неземное, такое хрупкое и чарующее. Он в жизни не видел ничего подобного.

Один раз откуда-то вышел лось, протрусил по зеркальной глади. Гулкий стук копыт напоминал печальный колокольный звон. А сейчас Юханнес слышал лишь монотонный звук собственных шагов, похожих на громкие удары, словно он пробивал себе дорогу, упорно и методично.

Постепенно извилистая дорожка превратилась в прямую длинную тропинку, ведущую к старому тор-

фяному болоту. То и дело рядом мелькала гравиевая дорога, и вскоре Юханнес смог различить парковку у самого торфяника. На парковке пусто. Здесь вообще редко кого можно было встретить, а уж сегодня вечером, с этим застилающим глаза дождем, все выглядело совсем пустынно. Местами в болото уходили деревянные мостки. Он подумал было сократить путь, но доски выглядели скользкими. Рискованно. Достаточно потерять равновесие...

— Ай!

Юханнес умудрился оступиться, хотя бежал здесь столько раз, что знал каждую кочку наизусть. Боль пронзила ногу, потом на секунду отступила, чтобы обрушиться с новой силой.

Черт возьми!

Он попытался сделать несколько прыжков на одной ноге и схватиться за что-нибудь, но рухнул на тропинку.

Болело ужасно. Ветер с дождем трепал одежду. Он попытался подняться, но на ногу действительно невозможно было ступить.

Юханнес подождал еще немного в надежде, что боль утихнет, одновременно проклиная себя за то, что оставил мобильник дома. Как теперь добираться до усадьбы на одной ноге?

Вдоль тропинки росло довольно много кустов, и Юханнесу пришла в голову идея отломать несколько прочных веток и соорудить из них временные костыли. Мысль сама по себе хорошая, но вскоре пришлось ее оставить — ветки попадались слишком тонкие.

Преодолев несколько метров, наполовину ползком, наполовину прыгая, Юханнес взглянул на боло-

то. И тут его поразила одна вещь. Дождь прекратился, ветер стих. И наступила полная тишина.

Удивительно.

За облаками на темном небе плыла луна. Она освещала клочья тумана, окутывавшего влажную землю.

Юханнесу послышался какой-то звук. Ветер? Или животное? Похоже на стоны. Или на приглушенные крики.

Чуть дальше на тропинке появился свет.

Фонарик. Там кто-то шел!

— Эй! — закричал Юханнес.

Никакого ответа.

— Мне нужна помощь, — продолжал он. — Я тут немного повредил ногу.

Свет все приближался, становясь ослепительно ярким, так что Юханнесу пришлось приложить руку козырьком ко лбу.

— Эй!

Фонарик направили в другую сторону, в глазах прояснилось.

«Что происходит?» — успел он подумать.

Затем наступила темнота.

Часть 1

Тремя неделями ранее

1

Тук, тук, тук.

Натали проснулась. Надавила пальцами на виски, чтобы стук в голове прекратился.

Тук, тук, тук.

Тук, тук, тук.

Взглянув на будильник, Натали убедилась в том, что до подъема еще два часа. Иными словами, все как обычно. Можно даже не пытаться снова уснуть.

Такие попытки всегда оказывались безуспешными.

Она села на краю кровати и начала думать о том, что еще осталось сделать. Ничего. В квартире порядок, большая часть ее вещей убрана. Сумки, которые еще не были погружены в машину, стояли в прихожей. Все готово.

Она приняла душ, приготовила завтрак на скорую руку, поела, стараясь оставлять как можно меньше следов после себя. Написала записку человеку, который должен был жить в квартире во время ее отсутствия. Положила записку на стол.

Я оставила кое-что в холодильнике, может быть, вам пригодится. Номер счета, куда перечислять аренд-

ную плату, я вам вчера отправила на электронную почту. Надеюсь, вам у меня понравится.

Всего доброго,

Натали

На улице было по-воскресному пусто и тихо. Уложив последние сумки в багажник, она села за руль и поехала.

Натали выехала на сорок пятую дорогу по направлению к северу и покинула Гетеборг, прежде чем город успел проснуться. Словно убегая после нелепой случайной связи.

Через некоторое время Натали остановилась у бензоколонки, чтобы заправить бак, выпить кофе и купить кое-какие товары, необходимые в первые дни. Затем продолжила путь. Вскоре ландшафт изменился. Местность казалась более глубокой и темной.

Подумать только, до далекого прошлого всего пара часов езды. До этого края озер и лесов. До той земли, которая по-настоящему была ее домом.

Она всегда ощущала себя чужой в большом городе у моря. У этого легкомысленного, переменчивого, ненадежного моря. Натали не вписывалась в общество людей, которым вечно надо было выходить под парусом, которым нравились голые скалы и дальние горизонты, которые боготворили солнце и мечтали о том, чтобы оно светило как можно ярче и жарче. Эти люди как будто ждали от нее того же внутреннего восторга, которого она никогда не испытывала, но который она постепенно научилась изображать.

Каждое лето, стоило ей лишь ступить на горячий гранит Бохуслена и зайти в воду, как создавалось ощущение, будто море чисто инстинктивно выплывы-

вает ее обратно. Словно зная, что она — инородное тело.

Теперь в окно стучал сентябрьский дождь, тихо и неуверенно. Осень подбиралась осторожно, чтобы никто не спугнуть и не потревожить.

«Приходи, — думала Натали. — Просто приходи.

Просто наступай.

Сделаем это вместе».

Натали проехала съезды на Омоль и свернула на Фенгерскуп. Ее вдруг охватило чувство нереальности, резкое и сильное. Что она, собственно, собирается сделать? И каковы будут последствия? Но тут же пришло осознание того, что она уже почти на месте и обратной дороги нет.

Натали сбросила скорость. Вот художественная школа, вот здания бывшего завода, где теперь, как ей было известно, располагались ателье, галереи и мастерские. На углу, где раньше стоял лишь маленький продуктовый магазинчик, теперь открылась булочная и кафе, там сидели люди неопределенного возраста с тряпочными сумками через плечо и пили свой латте или чай из высоких стаканов. На этом постройке заканчивались и начинался лес, и вскоре дорога уходила вправо и постепенно превращалась в березовую аллею, ведущую к поместью.

На широкой гравиевой дорожке стояло несколько автомобилей. Натали вышла из машины, оставив сумки в багажнике, и направилась ко входу. Это было красивое здание с четырьмя башенками, белым отштукатуренным фасадом, зеленой железной крышей и большими видовыми окнами. Располагалось оно, как это часто бывает с хуторами, на возвышении. Обычно из

таких замков открывается живописный вид, например на озеро или холмы.

Однако это поместье отличалось от других. Оно выходило на невзрачную равнину с редкими мелкими соснами и покрытые туманом низины. Казалось, солнце никогда не проникало сюда, поэтому земля оставалась неизменно влажной.

И вот сюда она вернулась совершенно добровольно.

— Это вы хотите снять гостевой домик?

Женщина, представившаяся Агнетой, была управляющей усадьбой. На ней было бежевое платье с вышивкой, фасоном напоминающее кафтан. В таком наряде высокая женщина выглядела, как наряженный столб. Русые волосы до плеч, густая челка.

— Да, все верно.

Ее муж стоял чуть поодаль. На голову ниже жены, одет в темный костюм. Неуверенный взгляд блуждает по комнате.

«Густав, — подумала Натали. — Как телохранитель. Именно такими я их и помню».

— Добро пожаловать в усадьбу Моссмаркен. Надеюсь, вы понимаете, что арендуете очень простой домик. Им пользуются в основном в летние месяцы.

— Конечно, без проблем. Но ведь отопление есть?

— Два камина и газовый холодильник. Но на этом все. Воду придется носить в канистрах из нашего подвала, а заряжать компьютер и мобильный можно у нас в офисе. Душ и туалет находятся в коридоре на втором этаже. Но за вашим домиком есть также деревянный сортир. Что еще?.. — она задумалась. — Ах да, велоси-

пед. Здесь есть старый велосипед, которым вы можете пользоваться. А вы, кстати, откуда?

— Я живу в Гетеборге.

На стенах в фойе висели старые портреты элегантных дам в пышных платьях и подтянутых джентльменов в военной форме. Когда Натали была ребенком, эти картины завораживали ее, особенно одна. На ней была изображена София Хансдоттер, супруга хозяина поместья, жившая здесь в конце девятнадцатого века. В памяти Натали остались темно-зеленое платье Софии и ее печальный взгляд.

Рассказывали, что она потеряла семерых из восьми своих детей. Что она была сумасшедшей. Душила новорожденных и просила мужа похоронить их в болотах недалеко от усадьбы. Супруг исполнял ее волю, дабы не подвергать ее истерзанное сердце еще большим мукам. Вплоть до того самого дня, когда родился восьмой ребенок и мужчину вдруг осенила догадка относительно того, что произошло с предыдущими детьми. Тогда он решил отнять новорожденного мальчика у матери. Поговаривали, что после этого София отправилась на то место, где были похоронены ее дети, шагнула прямо в болото и исчезла.

Никто ничего не сделал, чтобы спасти ее.

Восьмой ребенок вырос и превратился в здорового крепкого мужчину. Он и унаследовал поместье. А нынешний владелец Густав приходился ему правнуком.

— Мы с Густавом содержим здесь пансионат уже больше тридцати пяти лет, а раньше этим занимались его родители, — продолжала Агнета. Было видно, что

ей уже не раз доводилось рассказывать историю усадьбы. — Это поместье принадлежит семье Густава аж с семнадцатого века. Посмотрите, тут везде висят портреты его предков. — Она сделала неопределенный жест рукой.

В ту же минуту со второго этажа спустилась женщина.

— Это Елена, она заведует тут всем хозяйством. Между прочим, ее копченый сиг — лучший на нашем берегу озера Венерн. Если вам как-нибудь захочется поужинать с нами.

Елена, бледная и худенькая, казалась полной противоположностью хрестоматийной дородной хозяюшки.

— А вот и Алекс, наш мастер на все руки, — воскликнула Агнета, когда в комнату вошел высокий мускулистый мужчина. — Если что-нибудь надо будет починить, обращайтесь к нему.

Алекс остановился, подняв глаза к потолку, и коротко кивнул. Затем скрылся в глубине помещения.

— Если у вас возникнут вопросы, можете обращаться к нам с Густавом по будням с девяти до четырех. Чаще всего мы сидим в офисе, это соседняя комната. Если нас там нет, значит, мы стоим на какой-нибудь стремянке и красим сарай, или чиним трактор, или еще что-то в этом роде. А так нас можно найти в восточном флигеле, где мы живем. Обращайтесь в любое время, не стесняйтесь. — Помолчав, она продолжила: — Ну вот, самое главное я сказала. Сейчас здесь, так сказать, не сезон, почти ничего не происходит. А вы тут, извините за нескромный вопрос, по какой-то определенной причине?

— Да, я работаю над диссертацией. Речь идет о влиянии глобального потепления на процесс расщепления в условиях влажной почвы. Я биолог.

— Понятно, — улыбнулась Агнета и кивнула в сторону окна. — Значит, вы приехали ради болота. Интересно.

— Да, мне необходимо поставить кое-какие опыты.

— На самом деле наше болото считается особенным, — заметила Агнета. — Раньше его называли жертвенным болотом.

— Да.

— Наверное, вы об этом слышали? Говорят, что начиная с железного века тут хоронили жертвы богам. В том числе и людей, кстати. У нас в конторе даже брошюры об этом есть. На рубеже веков здесь нашли как раз такой труп. Четвертый век до нашей эры. Теперь он в культурно-историческом музее Карлстада.

Натали кивнула:

— Да, я слышала...

— Брусничная девушка, — сказала Агнета.

— Понятно, — ответила Натали.

— Так ее назвали, эту девочку, которую нашли. Кстати, о болоте. Советую вам быть очень осторожной. Там полно опасных топких мест. А в это время года еще и скользко. Но вы, конечно, все сами знаете.

Домик состоял из одной комнаты и кухни. На кухне помещалась мойка без крана, большая деревянная печь, стол, угловой диванчик и два стула. Комната была обставлена так же просто: кровать на ножках, платяной шкаф, письменный стол, а еще два старых кресла и маленький журнальный столик перед камином.

Осенний холод проникал сквозь толстые бревенчатые стены. В помещении было сыро, но затхлого запаха не чувствовалось. В углу стояло массивное зеркало, прислоненное к стене. Натали села на пол по-турецки и принялась рассматривать свое лицо. Она не уставала удивляться тому, насколько бодрее она выглядела, нежели чувствовала себя на самом деле. Волосы соломенного цвета, которые она стригла раз в год, по-прежнему сохраняли ту форму прически, которую восемь лет назад предложил стилист перед модельными съемками. Просто мягкое каре, не требующее особой укладки.

Когда ей было восемнадцать, ее заметили у входа в кинотеатр и предложили модельный контракт, хотя она была недостаточно высокой. Видимо, ей следовало чувствовать себя безгранично благодарной за эту милость.

Она только что окончила гимназию и надеялась на легкий заработок, однако не выдержала стресса. Ее раздражал резкий запах лака для волос, постоянное скольжение кисточек с пудрой по лицу и советы перед камерой, точнее, довольно грубые требования изобразить что-то *особенное* — Натали так и не поняла что. Ее хватило на два месяца.

Прическа была единственным ценным приобретением той поры, что осталась как бы за скобками жизни. Новая прическа преобразила ее внешность, что было удобно с практической точки зрения: окружающие были довольны тем, что видели на поверхности, и не лезли в душу.

В прихожей стояли две канистры с водой и корзины дров. Первым делом Натали растопила кухонную печь и камин, затем разобрала продукты и положила

одежду в шкаф. Наконец, развернула большую карту местности, повесила ее на стену над письменным столом и натянула на себя теплый свитер и тапочки.

Походила по дому, огляделась. Огонь потрескивал в печи, но от нее шло столько дыма, что Натали пришлось открыть окно.

Через некоторое время все пришло в норму. Тогда Натали разогрела готовые равиоли, купленные на заправке, и приготовила бутерброд с плавленым сыром из тубика.

За домом рос небольшой сад, окруженный кустами дикого шиповника. А перед домом стояло два старых деревянных стула. Чуть поодаль начиналась тропинка, огибающая болото.

Натали надела куртку, осторожно присела на один из стульев и осмотрелась. Было такое ощущение, будто ничего не изменилось, все оставалось как прежде не только в последние пятнадцать лет, но и на протяжении столетий, с незапамятных времен. Узловатые серые сосны. Блестящие озерца между зеленых влажных кочек. Уютная уединенность в приглушенных тонах, мерцающая пушица на фоне тонкого терракотового ствола.

Песня кроншнепа, напоминающая звуки флейты, еще звенела в осеннем воздухе, хотя птица уже покинула здешние края до весны. Натали отчетливо представляла себе эти ликующие трели, хотя ей давно уже не доводилось их слушать. А она так любила этих перелетных птиц до того, как все изменилось, до того, как это пение превратилось в ее памяти в дразнящий, язвительный смех, в зловещую руладу о грядущем.

Размышляя о том, во что она ввязывалась, Натали чувствовала в себе храбрость, граничащую с безум-

ством. Словно ее вынудили переступить некую черту безо всякой предварительной подготовки.

На западной стороне стояли электрические столбы, возвышающиеся над кронами деревьев. Те же столбы, что виднелись из окон ее старой спальни. Те столбы, что были ее главным ориентиром и спасением всякий раз, когда ей доводилось заблудиться. Непостижимая мысль: если идти вдоль электрических столбов, обязательно придешь к тому месту, где все началось и закончилось.

2

На следующее утро Натали проснулась, когда за окном было совсем темно. Темнота была одной из немногих примет осени, которые ей не нравились. Темно по утрам, темно по вечерам, с каждым днем все меньше солнечного света. В этом отношении летом было гораздо лучше — около четырех утра, когда она обычно просыпалась от стука в голове, день уже вступал в свои права. Благодаря свету легче было стряхнуть с себя тяжесть пробуждения и это невыразимое, сопровождаемое судорожными попытками сообразить, в чем его причина, ощущение, будто что-то не так. Осенняя темень оказывала обратное влияние, сгущая и без того мрачные краски.

Натали зажгла керосинку у кровати и подошла к камину. Он был все еще теплый. Натали обняла его, как большого друга, по которому соскучилась, и долго стояла с закрытыми глазами, прижимаясь к камину щекой, бедрами и ладонями. В голове промелькну-

ло слово *молитва*. *Наверное, именно так оно и ощущается?*

Вдруг у самого окна раздался громкий скребущий звук.

Что это?

Натали медленно подошла к окну и выглянула. *Сороки?*

Ничего не видно. Ничего, кроме уличных фонарей у хозяйского дома — двух маленьких шаров, качающихся на ветру.

Когда на улице было настолько темно, Натали чувствовала себя совершенно незащищенной в свете керосиновой лампы. Штор у нее не было. Но в верхних углах окна она обнаружила два вбитых гвоздя. Натали связала вместе два толстых свитера и попыталась повесить их на окно так, чтобы хотя бы закрыть кровать. Получилось ужасно. Надо не забыть поискать покрывало или простыню. И для других окон тоже.

Натали достала из чемодана вчерашнюю газету и снова забралась под одеяло. Начала было читать статью о развитии энергетики, но не могла сосредоточиться. Окна — как глазницы. Темнота смотрит прямо в душу.

Вот черт! Ну и как здесь жить?

Она не думала, что будет ощущать себя такой уязвимой. Это в ее планы не входило. Нет, надо гнать от себя дурные мысли. Сейчас для нее главное — работа и та трудно формулируемая тайная задача, которая, как она догадывалась, касалась в первую очередь ее самой.

Никто, кроме ее научного руководителя, не знал, что она здесь, в Моссмаркене. Но тот тоже был в отъезде.

Самой Натали нравилась мысль о том, что можно так вот взять и уехать. Исчезнуть из своего привычного окружения — это глоток абсолютной свободы, своего рода очищение.

Четырнадцать лет назад Натали покинула эти места, не сказав никому ни слова. Нынешнее возвращение было подобно зеркальному отражению. Натали должна была пройти вдоль размотанной нити весь путь назад, распутав по дороге узлы, и начать все сначала.

Большинство ее друзей вряд ли заметят, что Натали уехала из Гетеборга. Все они были учеными, как и она сама, и жизнь разбросала их по всему земному шару.

Единственными людьми, которые могли бы ее хватиться, были ее приемные родители.

В последние несколько лет у Натали не было сил поддерживать с ними контакт, и чем реже они встречались, тем жестче становились упреки, особенно со стороны приемной мамы, Харриет.

«И это твоя благодарность за все, что мы для тебя сделали?» — спросила она Натали, когда у них в последний раз состоялось некое подобие разговора. Они тогда зашли с букетом цветов поздравить Натали с днем рождения, и Харриет не смогла скрыть своих чувств. Ее круглое лицо покраснело, к глазам подступили слезы.

Приемный отец Натали, Ларс, сидел на стуле, не снимая верхней одежды. Глядя в пол, он непрерывно подергивал себя за усы.

Наконец, Ларс произнес: «Пойдем, оставим все как есть. Ты же видишь — ей все равно».

Такое циничное отношение даже заставило Натали ощутить некую солидарность с Ларсом. Но в остальном она ничего не чувствовала. Совсем ничего. И Харриет поняла это. Перед тем как уйти, она, прищурившись, долго смотрела на дочь, безо всякого сочувствия. А затем произнесла надломленным голосом: «Ты просто ужасна, ты знаешь об этом? Я всегда думала, что твое жуткое поведение связано с тем, что тебе пришлось пережить. А вот теперь не уверена. Может быть, ты такая и *есть*: неглубокая, бесчувственная и неблагодарная».

Затянув потуже пояс от халата, Натали уселась прямо посередине комнаты, словно желая взять ситуацию в свои руки и бросить вызов ощущению отверженности. Перед ней высилась гора бумаг — результаты измерений и экспериментов, которые до этого проводились в Германии, Голландии, Польше и Дании.

«*Тишина*», — подумала она и огляделась. В домике было так тихо. И эта тишина казалась такой требовательной. Может быть, надо просто привыкнуть.

Натали попыталась вслушаться в те звуки, которые все-таки можно было различить: полудохлая муха, допевающая свою песню на кухонном окне, потрескивание дров в камине, глухое карканье вороны где-то поблизости. Натали попробовала переключиться на запахи. Это оказалось сложнее: горящая древесина, мыло, копать.

Она развернула диаграмму фракций азота и начала думать над отличиями. Почему, например, в Германии показатели выше, чем в Польше? Может,

это связано со временем года? Или со свойствами окружающей среды? Или причина в глобальном потеплении?

Те из ее коллег, кто работал с похожими вопросами, в основном проводили исследования за полярным кругом, на огромных территориях, покрытых вечной мерзлотой. Теперь, когда из-за глобального потепления все эти районы начали потихоньку оттаивать, в почве запустились процессы, приводящие к еще большему выбросу парниковых газов в атмосферу. Вопрос был в том, насколько увеличился парниковый эффект и как это повлияло на потепление в целом.

Раньше Натали была членом скандинавской команды ученых, исследовавших это же явление в шведских горах. Но как только представилась возможность сузить сферу и сосредоточиться на скандинавских и центральноевропейских заболоченных районах, она тут же воспользовалась своим шансом.

Ее работа должна была, несомненно, стать значительным вкладом в климатологию, имеющую непосредственное влияние на принятие политических решений. И только когда поездка в Моссмаркен была утверждена и спланирована до мельчайших деталей, до Натали начало доходить, что едет она туда не только из профессионального интереса. Есть еще личные мотивы, и выбор ее обусловлен совсем не теми причинами, о которых она сначала думала.

Каким бы очевидным это ни представлялось впоследствии, поначалу такой вывод поразил ее. Прижал к стене, чтобы на этот раз ей было не отвертеться. И хотя она пока не сильно углубилась в свое «я», но по крайней мере уже не бежала от себя.

Она приехала сюда, в эти забытые богом болота где-то на границе провинций Дальсланд и Вермланд.

И это самое главное.

3

Натали выходила из домика, только чтобы принять душ, набрать воды или зарядить компьютер и мобильник. Ей необходимо было сродниться с домом, найти точку опоры, прежде чем всерьез отправиться в болота. Она отметила на карте предварительные места забора проб. Натали собиралась в течение двух дней взять пробы на двенадцати различных участках болота, чтобы получить максимально достоверные результаты. А потом проделать то же самое в ноябре, когда земля промерзнет. За первые дни Натали и двух слов никому не сказала. Но каждый вечер, примерно в одно и то же время, она видела в окно, как мужчина ее возраста совершал пробежку по тропинке мимо ее домика. Всякий раз он с любопытством косился на ее окна. Один раз он пробежал мимо, как раз когда она выходила из деревянного туалета. Мужчина остановился на минуту передохнуть. Сначала они сделали вид, что не замечают друг друга. Потом он едва заметно кивнул ей.

— Привет, — произнес он, все еще переводя дыхание. — Значит, это вы здесь живете?

Натали вдруг почувствовала себя загнанной в угол. Она рассчитывала, что здесь не придется ни с кем общаться, и с нетерпением ждала этого времени, когда можно будет полностью исключить контакты с непрошеными людьми.

— Да, можно и так сказать, — ответила она. — Временно, я просто снимаю домик.

Натали повернулась и направилась к дому.

— Красивое место. Меня зовут Юханнес, — произнес мужчина и поднял руку в знак приветствия. — А я могу... попросить у вас стакан воды? Забыл дома бутылку. Ужасно пить хочется.

— Конечно.

Натали зашла в дом, налила воды в стакан и принесла Юханнесу.

— Спасибо, — сказал он, быстро осушил стакан и протянул его Натали. Вытер пот с лица подолом футболки, выпрямился и провел рукой по блестящим волосам.

«Черные, как вороново крыло, — пронеслось у Натали в голове. — Какие красивые».

— Хорошо здесь бегать? — спросила она, просто чтобы что-то сказать.

— Не то слово — просто фантастика. Это место... — он покачал головой, словно не находя слов. — Я учусь в Школе искусств в Фенгерсуге, и никто из тех, с кем я говорил, никогда здесь не был. Невероятно, такая красота. Но я только рад, — продолжал он с улыбкой. — Так приятно побыть тут одному.

Он кивнул в сторону Натали.

— А вы здесь чем занимаетесь?

Натали колебалась. Слова будто застряли в горле и не хотели выходить наружу, желали спрятаться и оказаться в состоянии покоя. Они устали постоянно служить ей, поддерживать нескончаемую игру. Но в то же время что-то в нем привлекало ее.

К тому же нельзя было не признать, что вблизи кожа его оказалась гипнотически нежного, *оливкового*

оттенка. Она бы с удовольствием рассмотрела ее украдкой. Интересно, какие гены и жирные кислоты так выгодно окрашивали кожные покровы?

— Я замеряю выброс парниковых газов на болотах, — ответила Натали и заправила прядь волос за ухо. — Среди прочего. То есть буду замерять. Я еще не начала.

— Парниковые газы? Это для какого-то предприятия?

— Нет... Я пишу диссертацию. По биологии.

— Ничего себе! Интересно. — В его взгляде появилось что-то резкое. — Было бы здорово узнать об этом поподробнее, — произнес он. Помолчал немного, прощупывая обстановку, а потом продолжил: — Ну, не буду мешать. Еще увидимся, я здесь почти каждый вечер бегаю.

Он снова поднял руку, на этот раз на прощание, и направился в сторону парковки.

Пока Юханнес удалялся, Натали рассматривала его мускулистые ноги. «Длинные и гибкие, — думала она. — Выносливые».

В последующие дни Натали старалась не выходить из дому в те часы, когда Юханнес совершал свои пробежки. Она посматривала на него из окна, не подходя близко.

В один прекрасный вечер Натали поддалась порыву и приготовила целый термос чая, а потом села перед домом с кружкой как раз в то время, когда он пробежал мимо.

— Не хотите чаю? — крикнула она.

Юханнес остановился, провел ладонью по щеке и удивленно поднял брови. Натали не могла определить: то ли он просто удивлен, то ли считает ее предложение весьма странным. Она тут же пожалела о том, что проявила инициативу. Однако Юханнес ответил: «С большим удовольствием» и подошел к ней. Натали ощутила радостное волнение. Она принесла молоко, сахар и вторую кружку и поставила все это на маленький столик.

Юханнес сел на стул. Движения его были спокойные и мягкие, точно выверенные. «*Полная открытость, никаких тайн*, — пронеслось у нее в голове, и тут же отозвалось холодком в груди: — *Как я, только наоборот*».

Юханнес положил в чай несколько ложек сахара. Заметив ее скептическую улыбку, он рассмеялся.

— Я знаю. Мой отец был марокканцем, потребность в сладком у меня в крови.

Вечернее солнце быстро опускалось.

— Интересно здесь учиться? — спросила она.

— Вполне. Хорошие преподаватели. Приятные однокурсники. Все тихо-спокойно, так что можно многое успеть.

— Неужели не бывает одиноко? Надоедает же все время только заниматься.

— Разве что чуть-чуть. Но если хочешь общаться — пожалуйста. И концерты, и вечеринки, все это есть. — Он повернулся к Натали, как бы переводя фокус на нее. — Расскажи лучше ты. Как ты планируешь организовать работу? Вот ты говоришь, что замеряешь парниковые газы. Как это делается?

Она рассказала о пробах, которые собиралась взять в выходные. Юханнес слушал с большим интересом.

— А тебе компания не нужна? — спросил он. — Все это так увлекательно звучит. Я бы с удовольствием посмотрел. Могу помогать или носить что-нибудь... Как скажешь.

Наступило молчание.

Внутри у Натали все перевернулось: тонкий соблазн переплетался в душе с тупым и грубым ощущением опасности. И над всем этим мысль о том, что еще одни руки в работе не помешали бы.

— Тебе правда интересно? — Она смотрела в одну точку прямо перед собой. — Ну, почему бы и нет. Мне будет намного легче.

«Сначала надо выбраться в болота одной, без Юханнеса, — думала она. — Необходимо встретиться с болотом один на один. К тому же надо подготовить измерительные станции». Для этого ей придется воткнуть в землю отпиленные фановые трубы в двенадцати местах. Потом прикрутить к ним крышки с маленькими резиновыми пробками, в которые можно будет воткнуть иглы для забора газа.

В то утро она проснулась необычно поздно. Стук в голове был не таким сильным, как раньше. Зато нарастало беспокойство, наполняя собой все тело, разливаясь из грудной клетки к голове и обратно к животу. Она ощущала себя наркоманом во время ломки. Ее наркотиком было отрицание и вытеснение действительности. «*Зачем тебе это надо?* — спрашивал черт, сидящий на правом плече. — *Что ты тут забыла? Возвращайся домой*». Никакого ангела на левом плече не было, просто пустота. Стертое пятно. «Я», — поду-

мала Натали вслух и почувствовала, как глаза обожгли слезы.

Она неспешно позавтракала. Приоткрыла дверь, чтобы ощутить дыхание прекрасной осенней погоды, несколько раз прошлась между комнатой и кухней. Составила список того, что нужно не забыть при замерах.

Тропинка, ведущая к болотам, шла прямо от ее домика. Просто вставай и иди. Ничего сложного. По крайней мере, не должно быть.

В конце концов так она и сделала, не думая, — так обычно заходят в холодную воду. Просто потому, что это правильно, потому что знаешь, что потом тебе будет хорошо.

Ее ноги на тропинке. Ее тело на этой земле, снова. Время между сейчас и тогда, спрессованное до толщины крылышка мотылька, уничтоженное взмахом крыльев.

Натали шла по тропинке. Потом свернула к болоту в том месте, где были сколочены пять потертых досок. Похоже, с ними никто ничего особо не делал, хотя, может быть, немного подправили.

Все-таки пятнадцать лет прошло.

Приглушенный свет, холодный воздух. Местами пожелтевшая, местами посеревшая земля. Деревья, которые всегда казались ей низкорослыми и кривыми, теперь почтительно склонились в ее сторону. Они кланялись и кивали. Точно приветствуя ее.

Натали тоже здоровалась с лесом, постепенно оттаивая и открываясь. Время вышло из рамок, рассыпалось не мелкие кусочки, и Натали почувствовала

себя частью всего вокруг. Как будто части мозаики, составляющие ее, совпадали с частями, образующими этот мир.

Она долго шла медленным шагом, пока, наконец, не нашла пару высоких кочек, где можно было присесть и прислониться к сосенке.

Натали присидела там довольно долго, слушая собственное дыхание. Начал накрапывать дождик. Капли щелкали по ее дождевику, напоминая дробь дождя о ткань палатки по утрам. Пахло хвоей. На мокрые сапоги налипли пожелтевшие листья восковицы. Натали подняла пару листиков и осторожно растерла их пальцами. Вдохнула пряный резкий запах. Закрывает глаза.

Прошло несколько минут. Может быть, четверть часа. К ней подобрался туман, как любопытный зверь с неясными намерениями. Подполз по мокрой земле, окутал ее ноги.

Словно говоря: *«Ты. И правда ты. Как давно это было»*.

Натали не шевелилась. Едва дышала. Сидела неподвижно с полузакрытыми глазами и ждала, когда пройдет это оцепенение.

Наконец, сама того не замечая, она прошептала: *«Я знаю. Немало времени прошло. Но теперь я здесь»*.

4

В девять часов в субботу она уже сидела у домика и ждала Юханнеса. На ней были рабочие брюки, непродуваемая куртка и огромные сапоги. В рюкзаке лежал термос с кофе, контейнер с обедом и оборудование для

взятия проб. Юханнес прислонил велосипед к стене и направился к Натали. Он был одет в джинсы, кеды и джинсовую куртку поверх толстовки. Перехватив скептический взгляд Натали, Юханнес рассмеялся:

— Что, думаешь, не подойдет? — Потом ответил сам себе: «Ничего, и так нормально. Вперед!

— Но там довольно мокро, — возразила Натали.

— Тем приятнее будет вернуться и погреться у камина.

Юханнес нес часть вещей. Они шли той же дорогой, которой она ходила накануне. У Натали был с собой навигатор, и очень скоро они вышли к первому месту, где у нее стояли трубы. Натали достала из рюкзака шесть черных пластмассовых крышек диаметром два дециметра, с резиновыми пробками посередине.

— Смотри, — объясняла она, показывая на пробку. — Сюда я воткну иглу для забора поднимающихся из земли газов. А потом из шприцев перенесу газ в эти пробирки.

Натали открыла сумку с маленькими пробирками, уложенными ровными рядами.

— В каждом месте замеряем четыре раза: через пять, десять, пятнадцать и двадцать минут. Понятно?

— Да.

— Будем измерять количество азота, метана и закиси азота — газов, выделяемых болотом. Закись азота и метан потенциально более опасные парниковые газы. Они больше влияют на климат.

— Значит, от них все зло?

— На самом деле нет. Без парниковых газов не было бы жизни на Земле. Было бы слишком холодно. Проблема в том, что из-за повышения средней температуры процессы в почве ускоряются, следовательно,

начинает выделяться больше парниковых газов, чем нужно. Что, в свою очередь, ведет к еще большему потеплению... а значит, высвобождается еще больше газов. И так далее. Такой вот эффект. — Натали направилась к месту замера. — В первый раз я покажу, а потом можешь сам попробовать.

Юханнес кивнул и весело улыбнулся.

— О'кей, вас понял.

Натали прикрутила первую крышку, быстрыми шагами перешла ко второй трубе и закрутила на ней крышку. Бегом вернулась и воткнула иглу в пробку на первой крышке. Затем проделала то же самое со второй иглой. Засекла время секундомером.

— Через пять минут замеряем снова, — напомнила она, перенося содержимое шприцов в пробирки. — Ты можешь взять пробы вон в той трубе, а я продолжу работать с этой.

— Что-то я немножко нервничаю, — произнес Юханнес с напряжением в голосе.

— Понимаю, — ответила она. — Ты же можешь мне все испортить.

— Прекрати.

— Да ладно, я шучу. Не волнуйся. На самом деле это очень просто, у тебя точно получится.

Она подала ему шприц.

— Береги пальцы. Можно уколоться, особенно когда холодно и руки окоченевают.

Пять минут спустя они стояли наготове каждый у своей трубы.

— Поехали, — скомандовала Натали и воткнула иглу в пробку, одновременно посматривая на Юханнеса. Он проделал все, что от него требовалось, с сосредоточенной улыбкой на губах.

— Блестяще, — похвалила она, когда Юханнес закончил. — Ты просто талант.

Он сцепил руки и поднял их в победном жесте.

— Не сомневался.

— Пять минут до следующей пробы. Может, перекусим? — поинтересовалась Натали.

Она налила кофе в две кружки, и посматривала на Юханнеса, пока тот пил. Его кеды уже потемнели от влаги.

— А что вообще отличает болото? — спросил Юханнес и обвел взглядом местность.

— Ну, в первую очередь болото — это разновидность влажных почв, — сказала Натали, протягивая Юханнесу раскладной стул, а сама устраиваясь на подстилке. — Влажные почвы — это местность, где вода в течение почти всего года находится очень близко к поверхности или прямо над ней. Говорят, что половина растений должна быть гидрофильной.

— Гидрофильной? — переспросил Юханнес и рассмеялся.

— Влаголюбивой.

Он поднял брови.

— Кажется, я выучил новое слово. Звучит как-то... неприлично.

— Да уж. Существуют разные виды болот, но если говорить проще, то их можно разделить на низинные, переходные и верховые. Верховое болото полностью зависит от атмосферных осадков, так как оно изолировано от грунтовых вод. Через такое болото не течет никакой водоем, поэтому там выживают только те виды, которым не нужно много питания. Прежде всего торфяной мох, или сфагнум.

Она взглянула на Юханнеса.

— Я столько говорю, а тебе это, наверное, неинтересно.

— Почему же? Интересно.

Она скептически улыбнулась.

— Я без всякой иронии, — заверил он. — Продолжай.

— Так вот. На листьях сфагнома... — она сорвала кусочек мха, — есть отверстия, где накапливается вода. Таким образом создается собственный водный резервуар над уровнем грунтовых вод. Умирая, сфагнум превращается в торф, который разрастается и приподнимает болото выше его первоначального уровня.

Юханнес внимательно слушал.

— А вообще, болота — это почки природы, — продолжала Натали. — Они отфильтровывают лишние питательные вещества из воды, проходящей сквозь них. Болота приостанавливают потоки воды, образующиеся, например, при таянии снега или сильных дождях. Поэтому ужасно жаль, что так много болот исчезает.

— А почему они исчезают?

— Во-первых, климат раньше был более влажным. Во-вторых, из-за индустриализации сельского хозяйства большие площади были осушены. — Натали поднесла чашку ко рту и взглянула на часы: — О боже, нам пора замерять!

Юханнеса, похоже, невероятно интересовало все, что она ему рассказывала. «Даже подозрительно», — думала Натали, когда они в воскресенье проделывали ту же процедуру на северной стороне. Она никогда

раньше с таким не сталкивалась — чтобы кто-то не из университетских задавал столько вопросов.

Они периодически так увлекались, что забывали о времени, и тогда приходилось вскакивать и бежать, чтобы вовремя взять пробы.

— Меня всегда интересовало... — начал Юханнес, когда, казалось бы, все возможные вопросы о болотах и заболоченной местности были заданы. — То, что мы обычно называем декоративным мхом, чем украшают рождественские подсвечники или утепляют старые окна, — это ведь совсем по-другому выглядит? Как такое может быть?

— Хороший вопрос, — ответила Натали. — То, что под Рождество продается в магазинах под названием «белый мох» на самом деле лишайник. Говорить, что мох и лишайник — одно и то же, все равно что утверждать, будто подснежники и слоны — это то же самое.

Юханнес засмеялся.

— Что ты имеешь в виду?

— Лишайник — это тесный симбиоз двух организмов: гриба и зеленой водоросли. Водоросли путем фотосинтеза вырабатывают энергию в форме углеводов, а грибы обеспечивают организм водой и минеральными солями из горных пород. А мох — *единый* организм, вот в чем основная разница.

— Расскажу маме, когда она будет в следующий раз украшать дом к Рождеству, — сказал Юханнес. — Пусть знает, что ее обманывают.

В воскресенье, завершив работу, они вместе вернулись в домик. Натали приготовила ужин. Она решила остановиться на блюде, которое всегда готовила по

особенным случаям. Единственное, которое она могла приготовить с закрытыми глазами, — жаркое из баранины с горчицей, сладким перцем и картофелем.

— Никогда не ел баранину в таком виде. Очень вкусно, — похвалил Юханнес.

Они открыли бутылку красного вина, и разговор зашел о том, почему Натали решила стать биологом.

— На самом деле все началось с горения водорода. — Натали рассказала, как на уроке химии в старших классах она налила в пробирку немного соляной кислоты и магния и поднесла спичку — и раз! — образовался водород.

— Это был, наверное, первый раз, когда я поняла, что в школе может быть интересно, — добавила она.

Когда настало время определяться со специализацией в гимназии, выбор совершенно логично пал на естественно-научное направление. Натали нравились лабораторные работы, она обожала белые халаты, чистоту и порядок, ей доставляло удовольствие проверять защитное оборудование. Нравилось взвешивать и измерять, рассчитывать молекулы, сколько *молей* вещества надо взять, и сколько это будет в граммах.

В первые весенние деньки, пока другие наслаждались кофе, подставляя лица солнышку, Натали не спускала глаз с чашки, радуясь не только тому, что кофе с молоком действительно смешивались, а кусочек сахара растворялся и исчезал, но и воспоминанию о том тихом счастье, какое она испытала, когда впервые поняла, почему это происходит.

Со временем смысл всего ее существования свелся к экспериментам, к погружению в процессы, к углу-

бленному изучению того, что уже было достигнуто в этой области. В ее отношении к науке не было восторженности, только спокойное созерцание. Неосознанно и неумолимо эта научная сфера превращалась в ее новый дом. Медленно, но верно. Защитная сетка из фундаментальных аксиом и множества составляющих, красиво разложенных по полочкам, стала спасением от всех непонятных вещей, которые наполняли ее жизнь в детстве и которые в конце концов взяли над ней верх.

Но об этом рассказывать Юханнесу она не стала.

Он сказал, что его отец, ныне покойный, всю жизнь собирал бабочек и насекомых. У него, как и у Натали, вся комната была завалена энциклопедиями и справочниками с латинскими названиями. В детстве Юханнес любил туда заходить.

— Может быть, поэтому меня... — он наклонился к Натали, — так тянет к тебе.

— Потому что я напоминаю тебе отца? — осторожно произнесла она, скептически улыбаясь.

— С тобой я чувствую себя как дома.

Она сделала вид, что смысл сказанного Юханнесом никак не затронул ее.

— Ну, а ты? — спросила она. — Расскажи свою историю. Почему ты хочешь стать художником?

— Как-нибудь расскажу. А сейчас уже поздно, — сказал он, вставая.

— Я сплю на диване в кухне. Ты можешь лечь в спальне.

— Я поеду домой. У меня тут велосипед.

— Думаю, это плохая идея, — засмеялась она.
— Все нормально. Увидимся завтра. Может быть.
Он обнял Натали, поцеловал ее в лоб и вышел.

5

На следующий день Натали встала рано и все утро спешно наводила порядок. Подметала, протирала пыль, мыла полы и стирала с ощущением, что ей необходимо избавиться от зудящего беспокойства, охватившего все тело. Около полудня раздался сигнал мобильного телефона.

Какие планы на сегодня? Может, придумаем что-нибудь? Ты хорошо потрудилась в субботу и воскресенье. Возьмешь выходной? Обнимаю, Ю.

Натали засомневалась, но ее пальцы уже набирали сообщение.

Конечно, с удовольствием. А тебе ничего не надо делать?

Могу отложить на потом.

О'кей. Какие будут предложения?

Есть одна идея. Сейчас приеду к тебе и расскажу.

Натали обедала на крыльце, когда Юханнес подъехал на велосипеде. Стоял прекрасный сентябрьский день. Увидев стройную фигуру Юханнеса в солнечном свете, с развевающимися темными волосами, Натали почувствовала какую-то необычайную легкость.

— Привет! — Он остановился рядом с Натали. — Какая погода!

— Это точно, — ответила она. — В такой день грех не устроить себе выходной. У меня нет ни малейшего желания сидеть дома и изучать диаграммы.

Юханнес положил велосипед на траву, обнял Натали и присел рядом с ней.

— Ну и какая у тебя идея? — спросила она.

— Я слышал, тут неподалеку есть маленькое лесное озеро, — ответил он. — Мы можем съездить туда на велосипедах.

«*То самое озеро*», — подумала она. И тут же увидела перед собой густой старый лес, большие камни и темную воду. Казалось, дна не видно вовсе. Натали всегда казалось это естественным, пока она не переехала на западное побережье Швеции и не обнаружила, что это самое страшное для людей, всю жизнь проживших у моря.

— Кстати, ты ел? — поинтересовалась она. — У меня еще осталась еда.

— Да, я только что пообедал. Спасибо. Ну как тебе моя идея, нравится?

— Да, очень. Как ты думаешь, может, взять что-нибудь с собой?

— Ничего не надо, просто поехали. Хотя если ты хочешь что-то взять — пожалуйста.

— Я соберу какой-нибудь еды. Сейчас приду.

Она вошла в дом и положила в рюкзак термос с кофе, бутылку с водой, орешки и остатки обеда. Вдруг путешествие затянется? Рулон туалетной бумаги, свитер и запасные носки. Там может быть сыро.

— Ну вот, — сказала она, выходя. — Я готова.

В следующую секунду она уловила краем глаза какое-то движение. Нечто, что мгновенно исчезло за домом. «*Что это было? Промелькнувшая тень?*» Натали побежала за ней. Обвела взглядом сад и окружавшую участок живую изгородь... ничего.

«*Но я могу поклясться, что...*»

— Что с тобой? — забеспокоился Юханнес. — Что ты делаешь?

— Ничего. Поехали.

Они ехали рядом, подпрыгивая на гравиевом покрытии. Хутора, которые они проезжали, всплывали в памяти Натали, как затонувшие острова: *Здесь жил один злобный фермер, мы с Юлией следили ним, тогда тут стоял дом-развалюха, а теперь — настоящая буржуазная мечта с панорамными окнами и большой верандой. А вон там пробежала маленькая кошка с гигантской крысой в зубах, я сидела на заднем сиденье черного «Вольво», папа за рулем с сигаретой в руках, которую он курил, выдыхая дым через приоткрытое окно. «Смотри, Натти, какой жирный крыс!»*

Натти. Давно она не вспоминала свое уменьшительное имя. И уж совсем никогда не возвращалась мысленно к своим биологическим родителям.

«Спокойной ночи, Натти». Дверь спальни закрывается. Сучки на деревянном потолке в ее комнате. Продолговатые рисунки, которые можно рассматривать, когда никак не уснуть. Извивающиеся женские фигуры. Целое небо открытых ртов и глаз.

— Здесь бы не помешал горный велосипед, — сказал Юханнес и неуверенно посмотрел на Натали. Она крепче сжала руль, кивнула и отвернулась.

Они свернули на совсем узкую дорожку и поехали медленнее.

— Думаю, скоро начнется тропинка, — предположил Юханнес.

— Вон она, — ответила Натали, не задумываясь.

Юханнес поднял брови.

— Ты уже здесь бывала?

— Мне показалось, там виднеется тропинка.

Они оставили велосипеды у обочины и начали пробираться в лес. Солнце яркими полосками ложилось на мягкий мох, на земле лежали поваленные деревья разной степени разложения. Юханнес остановился и огляделся. Посмотрел вверх, на свет, проникающий сквозь кроны деревьев.

— Это как в храме Святого Семейства, — воскликнул он. — Ты там была? В Барселоне?

— Только снаружи видела, — ответила Натали, опустив взгляд в землю.

Пройдя по заросшей тропинке, они, наконец, вышли к озерцу, защищенному от ветра высокой зеленой стеной деревьев. Натали села на заросший мягким мхом камень, Юханнес расположился рядом.

— Боже мой, как красиво! — проговорил он, закрыв глаза и ложась на спину. Долгое время они молчали. Сначала Натали смущала эта тишина, но вскоре ей удалось расслабиться. Сколько раз она тут сидела. Часто они с Юлией купались в этом озере, когда гуляли одни. Не только они, но и другие дети с окрестных хуторов. Натали вспомнила, как они могли часами нырять и играть, как вода обнимала их со всех сторон, обмывала их худенькие тела тяжелыми блестящими потоками.

Высоко над ними парила хищная птица. Натали украдкой рассматривала Юханнеса. Глубоко посаженные глаза. Довольно длинный, прямой нос. Едва заметная улыбка на губах. Жесткая щетина, а выше — гладкая кожа. Как пересеченный ландшафт.

Краем глаза Натали уловила какое-то движение и обернулась. Буквально в нескольких метрах от них стояла косуля. Как будто так и надо, даже ухом не повела. Натали не слышала, как она подошла. Животное стояло настолько близко, что можно было разглядеть свое отражение в его больших черных глазах. Они долго смотрели друг на друга, внутри у Натали что-то дрогнуло. Словно сняли завесу. Сместилась перспектива, все сдвинулось и одновременно стало простым и понятным.

То, что она считала действительностью, каким-то непостижимым образом отворилось, и Натали попала в промежуток безвременного пространства, о котором раньше не знала. Конструкция рассыпалась, и она вдруг обнаружила, что составляет единое целое с этим мгновением и со всем вокруг. Что она и *есть* это мгновение.

В следующую секунду в голове жесткой вспышкой пронеслась мысль: «*Что со мной происходит?*»

По небу плыло облако.

— *Capreolus capreolus*, — произнесла Натали слабым надтреснутым голосом. Тишина была нарушена. Косуля вздрогнула и убежала.

— Что? — переспросил Юханнес, резко садясь и удивленно глядя вслед убегающему зверю.

Натали моргнула и слотнула слюну.

— Косуля, — произнесла она чуть слышно. — На латыни.

6

Юханнес стал часто заглядывать в домик после пробежки. Обычно они садились на кухне и разговарива-